

МНЕНИЕ

РАН: время перемен

О необходимости объединения исследований Байкала и изменения позиции Российской академии наук в отношении государства и общества рассуждает академик Игорь Вячеславович Бычков — научный руководитель Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН и директор Института динамики систем и теории управления им. В.М. Матростова СО РАН

— Каково сегодняшнее положение с вероятным объединением академических институтов ИИЦ?

— После заседания профильного комитета Совета Федерации, на котором рассматривался и этот вопрос, никаких действий не происходит. В мой адрес не поступало ни решений, ни писем, ни даже звонков. Ни от Совфеда, ни от ФАНО, ни от Российской академии наук.

— А насколько реальна перспектива создания единого байкаловедческого центра на базе двух институтов СО РАН: Лимнологического и Института динамики систем и теории управления?

— Сегодня, насколько мне известно, новый директор ЛИН доктор геолого-минералогических наук Андрей Петрович Федотов обратился к Президенту РФ с письмом, где изложил свой взгляд на данный вопрос и обосновал возражения против объединения ЛИН СО РАН и ИДСТУ СО РАН. Напомню, еще в 2014 году я докладывал на заседании Президиума СО РАН о необходимости поддержать разработанную в ИИЦ СО РАН мощную, по-настоящему масштабную исследовательскую комплексную программу (почти все институты принимали участие в ее подготовке) в формате программы Президиума РАН и получить для этого дополнительное финансирование. Байкал, на мой взгляд, достоин того, чтобы быть такой темой национального масштаба и обрести соответствующую форму организации исследований. Пока что от ФАНО есть информация о сохранении в 2017 году финансирования этих исследований на уровне 30 млн рублей через интеграционную программу ИИЦ СО РАН «Фундаментальные исследования и прорывные технологии как основа опережающего развития байкальского региона и его межрегиональных связей» (это в два раза меньше, чем в 2016 году). Есть поддержка от Министерства природных ресурсов и экологии РФ нашей с академиком Михаилом Александровичем Грачёвым инициативы о программе исследований современного критического состояния прибрежной зоны Байкала суммарно на 210 млн руб. на три года, и опять же Минприроды рассматривает вопрос о выделении 80 млн руб. на приобретение оборудования для ЛИН СО РАН. Но это пока только планы — реального дополнительного финансирования (за исключением интеграционной программы) пока нет.

— А есть ли сегодня комплексная программа научных исследований (КПНИ) по Байкалу?

— Нет. И к этой форме организации исследований я отношусь весьма скептически. Она принципиально отличается и от прежних интеграционных программ СО РАН, и от сегодняшних программ Президиума РАН. Конечно, очевидно, что координация, согласованные действия повышают эффективность исследований в любой области знаний, тем более если в коллаборации участвуют институты, не только подведомственные ФАНО, а также вузы, и инновационные предприятия. Однако для институтов, подведомственных ФАНО, такая координация должна была бы осуществляться при формировании государственного задания на проведение фундаментальных исследований для каждой организации с учетом заданий для других, проводящих исследования в данной области. Это и есть одна из уставных задач РАН — научно-методическое руководство институтами! В настоящее время же время о дополнительной целевой поддержке исследований по КПНИ никакой речи нет. Схема другая: КПНИ складывается из базового финансирования институтов без каких-либо прибавок. А какой тогда в этом смысл? Каждый проводит исследования в рамках утвержденного государственного задания, отчитывается перед РАН и ФАНО, обменивается информацией с коллегами напрямую (на семинарах и конференциях) и/или публикуя свои результаты в статьях, монографиях и т.п. А интеграция — это когда есть обособленный бюджет, объединенный коллектив и ответственный за результаты его работы человек. КПНИ — это не совсем то, что, на мой взгляд, стимулирует реальное объединение исследований.

— Есть более радикальный метод, который продвигает ФАНО: слияние юридических лиц, в том числе и по географическому признаку...

— Как говорится, реструктуризация была, есть и будет! Но реструктуризацию столь важных общественных институтов, как фундаментальная наука, необходимо вести только с государственных позиций для развития страны и общества в целом. Как проводить столь значимые изменения? Наверное, учредитель, совместно с РАН, ее отделениями, с привлечением российского и международного научного сообщества, открыто и гласно должен сначала определить цели, задачи и приоритеты исследований, а под них выработать программы реструктуризации. А не так, как сегодня — через «инициативу на местах» путем подготовки предложений от Ученых советов институтов. В частности, как пишет в своем письме Президенту РФ директор ЛИН СО РАН, Ученый совет этого института выступил против объединения с ИДСТУ СО РАН, и действующий регламент не позволяет как-то это преодолеть.

На мой взгляд, необходимость создания в Иркутске крупного центра по изучению Байкала очевидна. Практически все наши институты так или иначе — кто больше, кто меньше — связаны если не с изучением самого озера, то с окружающими его территориями либо с технологиями, которые могут быть использованы при его исследовании. Президиум ИИЦ СО РАН в своем прежнем облике в каком-то смысле и был таким центром, органом координации и управления. А сегодня как раз усиление интеграции, в том числе и в административном плане — это тренд, от которого никуда не уйти. Получится или не получится консолидация по той модели, которую реализует ФАНО, покажет время, но ведь возможны и другие формы — интеграционные программы, консорциумы, в том числе и с университетами и т.п.

— Не кажется ли Вам модель, которую предлагает ФАНО, слишком прямолинейной?

— В какой-то части такой посыл оправдан: люди на одной территории хорошо знают друг друга и всегда договариваются. Но я как раз не сторонник того, чтобы инициаторами и «выгодоприобретателями» реструктуризации были институты. Можно поставить задачу сохранения юридических лиц, а можно — сбережения и развития научного потенциала. Согласитесь, что первое со вторым взаимосвязано, но совпадает далеко не полностью. Здесь требуется подход с более ответственной позиции — позиции государственных, общенациональных интересов. И нужна личная ответственность тех, кто берет на себя смелость их персонализировать. Наш институт был организован именно так: тогдашний председатель Сибирского отделения АН СССР академик Гурий Иванович Марчук принял решение открыть вычислительные центры в городах, где работали крупные региональные научные центры. И они были созданы и в Иркутске, и в Красноярске. Решало правительство, поскольку были обоснования и были люди, с которых спрос.

Учредитель институтов обязан ответственно, но в то же время решительно осуществлять эту функцию — учреждать. Научное сообщество может и должно выступать с инициативами, предлагать программы развития, что-либо обсуждать и рекомендовать... Но если государство считает, что ему нужен, например, крупный центр по изучению озера Байкал, — решение может и должно быть принято волевым порядком, но при этом необходимо четко обосновать цель открытия такого центра, состав и содержание научных направлений, выдвинуть требования к специалистам (включая решение социальных вопросов работников, особенно приглашенных), обеспечить необходимую приборную базу и оборудование, в том числе и уникальное — флот, станции приема спутниковых данных, суперкомпьютер, системы зондирования атмосферы и т.п. И, разумеется, достаточные объемы финансирования. Федеральное агентство научных организаций имеет такие полномочия и может их осуществлять. Но не будем забывать о Минобрнауки и РАН, которые также вправе учреждать исследовательские организации. Никто не снимал с государства задачу целеполагания при создании структур, работающих за счет средств национального бюджета: будь то университет, клиника, войсковое соединение или институт, проводящий исследования в интересах страны.

— Но у ФАНО, МОН и Российской академии наук бюджеты несопоставимы...

— Если Академия докажет обществу, Госдуме, правительству, президенту, что она должна, может и будет делать то-то и так-то — ей и бюджет утвердят соответствующий. Просто сидеть и жаловаться, что денег мало — это неконструктивно. Как прозвучало на заседании Президиума СО РАН: у Сибирского отделения денег нет, поэтому мы не можем в полном объеме поддерживать научные журналы, не проводим международную деятельность и не организуем конференции... Такая позиция не вызывает у меня поддержки. Ряд академиков настаивает на

том, чтобы вернуть в РАН региональные научные центры, которые в настоящее время подведомственны ФАНО, — а для чего? Что дальше? Какая цель будет достигнута, кроме явно потраченных средств и времени? Для улучшения научно-методического руководства институтами в регионах, проведения экспертизы НИР, в том числе и вузов, пропаганды знаний и организации на местах международного сотрудничества может сначала надо, вероятно, чтобы Академия наук организовала свои представительства там, где научные центры отошли в ФАНО? Процедура создания представительств прописана в Уставе РАН, и если реально существует недостаток финансирования, то вполне возможно обратиться в Правительство РФ и добиваться включения в смету расходов Академии наук соответствующей статьи. Новый Устав РАН предполагает ее основными функциями экспертизу, научно-методическое руководство исследованиями и их координацию, пропаганду науки и научных знаний. Академия и ее отделения могут и должны выдвигать и продвигать инициативы по этим направлениям, «выбивать» под них средства. Редакционно-издательские и музейные советы, детские «малые академии» и клубы технического творчества, пресс-центры и научно-популярные издания, тот же научный совет СО РАН по проблемам озера Байкал — всё это и многое другое Академия могла бы воссоздать и усилить на новом уровне, вопрос в желании и энергии.

Увы, большинство «инициатив», с которыми я сталкиваюсь, формулируются так: «Оставьте всё как есть (а еще лучше — как было до реформы) и дайте больше денег». На встречах с руководителями РАН я не раз говорил: готов участвовать в разработке любых проектов развития Академии, но я за конструктивный подход. Многие из членов Академии критикуют деятельность ФАНО, и во многом справедливо. Но критиковать мало — надо предлагать то, что позволит сформировать «историю успеха» РАН после принятия закона о реформировании. Завтра ведь мы можем предположить, что издаётся новый закон, согласно которому ФАНО ликвидируется, а всё имущество перейдет... ну, скажем, в Минобрнауки. Для Академии это будет хуже или лучше? Всё зависит от самой Академии. РАН освободила от финансово-имущественно-административной рутины по руководству институтами, это факт. При этом в законе четко обозначено научно-методическое руководство, как говорится, «что написано пером, не вырубишь топором». Не работает — давайте искать ответы на вопросы: почему? и что делать? К сожалению, я не вижу ни одной серьезной и успешной инициативы РАН, которая получила бы одобрение на государственном уровне, и начался бы процесс ее реализации (единственное, что вспоминается, — формирование корпуса профессоров РАН, однако, наверное, этого маловато за три года). Взаимодействие с университетами, с корпорациями, с ОПК, традиционно сильное в Сибирском отделении — это всё относится к институтам, сегодня подведомственным ФАНО, а не к Академии как отдельной государственной организации.

— Чего, по вашему мнению, недостает?

— Здесь есть несколько важных направлений деятельности. Наверное, одна из проблем — отсутствие влияния РАН на определение финансирования для институтов. Возможно, надо перестроить всю систему: пусть Академия выполняет функцию распределителя средств по государственному заданию, оставив распределение средств по уплате налогов, коммунальных платежей и т.п. за ФАНО. Тогда бы РАН могла, с одной стороны, нести полную ответственность за определенную для институтов тематику, за полученные результаты, за кадровую политику, приобретение оборудования и прочее, но и имело бы для этого не только интеллектуальные ресурсы своих членов, но и необходимые средства. Также для РАН очень важно «дотянуться» до региональных центров как точек координации и организации исследований. Открыть здесь представительства, информационные центры Академии — как ни назови, это будет прямая связь. Все вопросы, связанные с упомянутыми функциями РАН, должны решаться только после гласных, открытых обсуждений: будь то планы и отчеты по направлениям наук или выдвижение кандидатур на выборы в члены РАН.

В конце концов приведу тревожащий меня факт. В 2025 году исполнится 300 лет прибайкальскому курортному городку Листвянка. Эта тема уже широко обсуждается с федеральными экспертами и даже, насколько мне известно, готовится соответствующий указ Президента России по благоустройству организации праздничных мероприятий. А готовит кто-нибудь столь же значимые документы к 300-летию Академии наук, которое состоится годом раньше? Если да, то жаль, что этому не придан соответствующий общественный резонанс. Кто, если не РАН, должна быть озабочена переходом в следующее трехсотлетие своей жизни?

Беседовал Андрей Соболевский
Фото автора